

Новые книги

РУКИ ПРОЧЬ ОТ ВЕТРЯНЫХ МЕЛЬНИЦ!.. ИЛИ КНИГА ПРО ТО, КАК НЕ СТАТЬ СМЕШНЫМ ИДАЛЬГО, ПРИНИМАЯ ВЕТРЯНЫЕ МЕЛЬНИЦЫ ЗА ВЕЛИКАНОВ

Рецензия на книгу: *Борьба с ветряными мельницами? Социально-антропологический подход к исследованию коррупции* / Сост. и отв. ред. И.Б. Олимпиева, О.В. Паченков. СПб.: Алетейя, 2007. – 234 с.

Барсукова Светлана Юрьевна

д. социол. н., проф. кафедры экономической социологии ГУ–ВШЭ

Email: Svbars@mail.ru

Очередной книгой о коррупции удивить трудно. Но эта книга достойна, чтобы ее заметили. Хитроумный идальго, сражавшийся с великанами, оказавшимися ветряными мельницами, – точная метафора антикоррупционной битвы. Не то чтобы победить нельзя, но хотелось бы знать – кого. Устройство мельниц отличается от физиологии великанов, да и вреда от них меньше... Против борьбы с ветряными мельницами в данном случае восстали антропологи.

Основное чувство от прочтения книги – подтверждение смутно осознаваемого. В результате картинка размылась окончательно. *Коррупция относится к тем феноменам, про которые тем яснее суждение, чем менее оно подкреплено размышлениями.*

Книга составлена как сборник статей. Здесь и эпатажное сравнение признания коррупции с верой в колдовство в Латвии (Клавс Седлениекс); и довольно безобидное по форме, но убийственное по содержанию раскрытие организационной кухни антикоррупционной политики на Балканах (Стивен Сэмпсон); и красивый «коррупционный комплекс», погруженный в практики дарения и сетевой солидарности стран Западной Африки (Оливер де Сардан); и разведение коррупции как агрессивной стратегии и как защитного маневра российского бизнеса (Ирина Олимпиева, Олег Паченков); и жалостливая зарисовка о разрывающемся между служебным долгом и социальными нормами чиновнике из Малави (Герхард Андерс); и попытка систематизировать антропологический взгляд на коррупцию (Тон Кристин Сиссенер).

Честно говоря, статьи не равноценны. Работа грандмастера Дж. Скотта, на мой взгляд, основная и лучшая. Возможно, это впечатление связано с собственными поисками, которые Дж. Скотт значительно облегчил. Аналитическая перспектива Дж. Скотта («коррупция как политический процесс») просится, чтобы ее применили к России. Что я и постараюсь сделать.

Авторы, лишь изредка ссылаясь друг на друга, перекликаются идейно. Статьи объединены сомнением в правомерности господствующих внеисторических и внекультурных «знаний» о коррупции. Свободная от обличительного пафоса, книга помогает думать. Кому как не антропологам знать, что чужого знания не бывает.

Коррупция в развивающихся странах, или о чем говорят межнациональные рейтинги

Распространено мнение о коррупции как признаке отсталости страны. Эмпирическим доказательством служат бьющие все рекорды индексы коррупции в развивающихся странах.

Не далеко ушла и Россия, которую в том числе на этом основании относят к третьему миру¹. Но стоит вспомнить, каким долгим был путь европейских стран к разделению публичной и приватной сферы, к формированию рациональной бюрократии². Еще полтора века назад государственные должности в Европе закладывали и давали в приданое, а зачастую и передавали по наследству. Например, в Испании посты в колониях продавались на официальных аукционах. Голландский чиновник оплачивал «лицензию на занятие должности» в колониальной Батавии, которую окупал, фактически торгуя условиями проникновения в колонию голландского бизнеса. Английская корона продавала огромное количество синекур. «...Еще в середине XIX в. для большей части Европы было характерно восприятие государственной должности как частной собственности» (Скотт, с. 18). «Как минимум до середины XIX в. в большинстве западных обществ “учреждение” или “офис” рассматривались как частная собственность» (Сиссенер, с. 59). Частная собственность должна приносить прибыль. Государственная должность при умелой постановке дела прибыль приносила немалую. Но никто не называл это коррупцией. Эти практики были либо законны, либо трактовались законом весьма двусмысленно. Лишь в конце XIX в. начали формироваться этические, организационные и политико-правовые основы определения коррупции как использования государственной должности в личных целях. Новые правовые стандарты несения государственной службы закрепили это понимание.

Развивающимся странам предложили пройти этот путь одномоментно, практически с оформления их национальной независимости. Многие государства (скажем, в Африке) создавались росчерком пера колонизаторов, привносящих в качестве бонуса готовый пакет законодательных норм. А поскольку Запад объявил крестовый поход коррупции, развивающиеся страны, дабы не навлечь гнев и не лишиться помощи Всемирного банка, вынуждены были принять самые жесткие стандарты разделения публичного и приватного. «...Развивающиеся страны в полной мере облачились в доспехи законов и правил, которые родились в ходе долгой борьбы за реформы на Западе и стали их воплощением» (Скотт, с. 23). Судьбу этих законов, точнее, практику их применения можно представить, не покидая Садового кольца. Социальные логики легко переварили эти законы в кашу неформальных практик, еще раз доказав, что игнорирование «пришлых» законов – не признак варварства страны, а свидетельство их искусственности в контексте культурных норм развивающихся стран. Коррупция не-Запада – результат замера ситуации западными мерками. Использование одних лекал к разным историческим и культурным сущностям – занятие бессмысленное. Хотя и эффективное, поскольку ошеломляющие результаты гарантированы. Смысл этих рейтингов в одном: негативный образ третьего мира методом «от противного» формирует идеологему западного законопослушания.

Не хотелось бы уходить в общую дискуссию о том, могут ли «доспехи законов и правил», снятые с чужого плеча, помочь создать эффективную экономику и многопартийную демократию (многие же вообще верят в неразрывность этих добродетелей). Наш разговор касается коррупции. Тут должна огорчить. Нет ни логических, ни эмпирических доказательств того, что многопартийная демократия формирует менее коррумпированную систему власти, чем, скажем, военная диктатура или однопартийный режим. Различие будет не в масштабах, а в форме, субъектах, механизмах и целеполагании коррупционных отношений, а также в системе сдержек-противовесов распространению коррупции.

¹ Дискуссия о правомерности отнесения России к третьему миру систематизирована в работе: Барсукова С. Принадлежит ли Россия к третьему миру? // Политические исследования. 2000. № 4. С. 60–71.

² См. Барсукова С. Приватное и публичное: диалектика диспозиции // Политические исследования. 1999. № 1. С. 137–147.

Но уж если считать многопартийную демократию благом не инструментальным, а ценностным, и построение таковой объявлять самоцелью, то надо признать, что именно коррупция партийных боссов (если оценивать их поведение по современным критериям) помогла партиям начала XX в. утвердиться в роли выразителей интересов различных групп общества. Вспомним работы М. Дюверже и М. Острогорского. Именно продажность партийных мандатов и абсолютно неприкрытая зависимость позиции депутата от денежного вознаграждения позволила партиям стать мощным каналом связи между властью и бизнесом. Партии были «машинами» по продавливанию оплаченных решений. Со временем процесс приобрел более упорядоченный характер: бизнес стал говорить от лица ассоциаций, а партии в зависимости от идеологического антуража приобрели «специализацию», т.е. брались за отстаивание не любых решений, а соответствующих их политическому имиджу. Часть практик легализовалась в виде законов о лоббировании и правил финансирования политических партий, а часть ушла в тень.

Заметим, что финансовая мощь партии укрепляет ее ряды, привлекает новых членов. «...Партии часто необходим значительный запас благ, способный путем распределения сплотить ее ряды и преодолеть центробежные силы этнического, семейного, регионального и т.п. характера» (Скотт, с. 46). Приверженность определенной идеологии смягчает это утверждение, но не аннулирует его. К тому же без значительных финансовых вливаний невозможно победить на выборах. «...Когда скачки приближаются к финишу, значимость дополнительного доллара осознается все отчетливее» (Скотт, с. 47). Долгие годы тройственный диалог между властью, бизнесом и электоратом на Западе совершенно легально и массово использовал практики, позже получившие статус коррупционных.

Странам, в которых процесс партийного строительства начался значительно позже, сразу предложили играть по новым правилам. «...Индийский, малазийский или нигерийский политик оказывается благодаря закону лишенным большей части прибыли, которая помогала строительству сильных партий в Англии и США» (Скотт, с. 23). Между тем налицо явное сходство ситуации, сложившейся на заре партийного строительства в Америке конца XIX – начала XX вв. и в современных развивающихся странах. Речь идет о всеобщем избирательном праве в условиях, когда крупный бизнес уже сформирован, а электорат характеризуется доминированием семейной и этнической идентичностей. В условиях отсутствия классового или профессионально-группового самосознания избирателей, а также их низкой заинтересованности в политике более действенными оказываются краткосрочные стимулы. Это могут быть как откровенная покупка голосов, так и абсолютно законная практика «казенного пирога». Примером последнего служат проекты развития, скажем, сельского хозяйства, образования или здравоохранения, призванные не столько решить определенные проблемы этих отраслей, сколько обеспечить патронаж и предвыборные стимулы определенной части электората. Маневренность зарождающихся партий в третьем мире значительно ниже той, что в схожих условиях имели партийные «машины» Европы и США. Партийная коррупция начала XX в. помогла отстроить многопартийную систему, примкнувшую к антикоррупционной коалиции. От развивающихся стран ждут успехов партийного строительства под присмотром антикоррупционных сил.

Наконец, высокие показатели коррупции в ряде развивающихся стран связаны не с особенностью хозяйствования, а с обширностью общественного сектора. Дело в том, что правовое определение коррупции однозначно указывает на ее локализацию в публичной сфере. Скажем, если политик или бюрократ за вознаграждение отдаст победу в тендере какой-то фирме, то ни у кого не будет сомнений в том, что имеет место коррупция. Но если аналогичное действие предпримет президент или служащий частной компании, то коррупцию не усмотрит ни закон, ни обыватель. Чиновник (политик) будет наказан законом, а корыстный менеджер – рынком. Правда, упущенная прибыль может стать объектом разбирательств с начальством или с акционерами, но статистика коррупции этим не пополнится. При этом, по сути, речь идет о поразительно схожих действиях. К тому же

чиновник обычно в качестве взятки получает часть разницы между рыночной и фиксированной стоимостью его услуг, т.е. налицо рыночная логика его поступка. Однако между чиновником и президентом фирмы, обманывающим акционеров, будет непроходимая пропасть с точки зрения правовой оценки действий. Лавры коррупционера достанутся исключительно чиновнику. Отсюда простой вывод: «чем больше относительный размер и масштаб государственного сектора, тем большая доля подобных действий относится с юридической точки зрения к разряду коррупционных» (Скотт, с. 25). Остается вспомнить, что государственный сектор во многих развивающихся странах обширнее, чем на Западе.

Важно и то, что в развивающихся странах коррупция неотделима от социальных практик, сводящихся к императивам: торговаться, одаривать, помогать. Именно им коррупция обязана культурной оправданностью и рутинизацией.

- Торговаться не столько по поводу цены, сколько по поводу правила ее установления. Западная трактовка взятки как коммодифицированной формы переговоров дополняется борьбой за выбор правового регистра, лимитирующего стоимость транзакций. Поскольку все три регистра (доколониальный, колониальный и периода независимости) сосуществуют наряду с воплощающими их формами власти, размер взятки становится гораздо вариативнее, а поиск каналов ее использования – более сложным. Объектом торга становятся «правила, их применимость и способ интерпретации» (Сардан, с. 101). Искусство маневра в условиях нормативного плюрализма повышает экономический эффект торгов по сравнению с западным вариантом.
- Одаривание предписано в столь разных ситуациях, что подарок становится элементом широкого спектра взаимодействий. И если нельзя оставить без подарка носителя хорошей вести, свидетеля важной сделки, женщину, которую застали за заплетанием кос или занятую коллективной работой, то было бы странно не одарить вошедшего в положение чиновника³. Отделить взятку от культурно предписанного одаривания в тех странах, где дары обслуживают широкие смысловые диапазоны отношений, вряд ли получится. Граница между коррупцией и каждодневными практиками становится весьма условной. Скорее, можно говорить о континууме состояний, нежели их бинарной логике.
- Помогать членам своей социальной сети – это одновременно и тяжелое бремя, и способ формирования социального капитала. Специфика не-Запада состоит в многочисленности родственников, в сохранности отношений соседства, в значимости приятельских отношений. Западный мир породил формулу: «Это ни к чему не обязывает». Не-Запад живет в системе, когда обязывает все и всегда. «Круг лиц, по отношению к которым индивид чувствует свои обязательства, оказывается удивительно огромным. Нужно добавить и обратное: есть огромное число лиц, которым можно позвонить в случае чего» (Сардан, с. 107). В бедной стране государственный служащий, обладающий определенными преимуществами, автоматически «становится мишенью для бедных родственников» (Андерс, с. 123). Взятка становится крайним средством, свидетельством дефицита социального капитала. В этих условиях решение чиновника оказывается между жерновами формальных требований и неформальных норм помощи членам социальной сети. Последние подкрепляются боязнью социальной изоляции и, что немаловажно, колдовства. Работает «логика перераспределительного накопления» (Сардан, с. 110). Порицается только то аккумулятивное богатство, которое не служит ресурсом сети⁴.

³ «Огромное разнообразие подарков в повседневной практике оставляет пространство для того, чтобы незаконные подарки затерялись в общей массе» (Сардан, с. 106).

⁴ Характерно, что на языке одного из африканских народов существует два различных глагола, которые переводятся как «грабить»: воровство, приносящее выгоду только грабителю, однозначно порицается, тогда как воровство, вызывающее

Добавим, что именно просвещенный Запад оставил бывшим колониям в качестве культурного наследия «логику хищнической власти». Метрополии не очень заботились о реализации модели рациональной бюрократии где-нибудь на берегах Конго. В период «холодной» войны о коррупции в бывших колониях тоже не вспоминали, расценивая третий мир как арену политического соревнования двух систем. И только когда мир стал однополярным, коррупционность не-Запада стала вызывать тревогу старших товарищей, превратившись, по сути, в таран идеологического давления.

Коррупция в России как политический процесс

Почему в России власть коррумпирована⁵? Среди причин, как правило, называют неэффективность управленческого аппарата, неадекватность законов и культурное противопоставление закона и обычного права. Я попробую поразмышлять в рамках логики, предложенной Дж. Скоттом. Суть его позиции сводится к утверждению: коррупция – это политический процесс.

Понимание власти и богатства как капиталов предписывает поиск каналов их взаимной конвертации. «Проницаемость» власти для богатства может быть вполне легальной. Официальная покупка английским мелкопоместным дворянином звания пэра в XVIII в. или финансирование политической партии в XIX в. – всего лишь разные каналы достижения экономической элитой политического влияния. Однако не всем эти каналы доступны. Скажем, этнические, религиозные, клановые и прочие основания могут ограничивать легальные пути вливания экономических капиталов во властные иерархии. Каналы политического влияния, заблокированные на «входе» в законодательное пространство, неизбежно формируются на «выходе» из него, т.е. на стадии исполнения закона. *Политика как реальность – это реализация интересов экономических агентов не только в ходе принятия закона, но и на стадии его исполнения.* Последнее зачастую приобретает форму коррупции, которая является эффективным средством фактического изменения формальных правил. Скажем, утаивание от проверяющих органов истинных размеров пахотных земель ведет к такому же фактическому снижению налогов, что и изменение налогового кодекса. Борьба за «правильный закон» с точки зрения фермера может быть более обременительной, чем откупные проверяющему чиновнику. Коррупция в данном случае обслуживает идею оптимизации издержек.

Коррупция «на выходе» законодательного пространства

В этой логике разговор о масштабах коррупции в России трансформируется в вопрос о том, почему многие экономические агенты предпочитают политическое влияние не в ходе формирования закона, а на стадии его исполнения. Вопрос тем более интересный, что явных ответов в виде сохранившихся кастовых, сословных или гендерных ограничений представительства во власти в России нет.

Многообразие причин, по которым реакция на принятый закон выигрывает перед участием в его формировании, сводится к следующему.

перераспределительные ассоциации, – оценивается более неоднозначно, и в ряде контекстов полностью оправдывается (Андерс, с. 130).

⁵ По индексу восприятия коррупции (основной индекс Transparency International) Россия в 2005 г. заняла 126-е место из 159 обследованных стран.

http://www.transparency.org/policy_and_research/surveys_indices/cpi/2005

Во-первых, множество субъектов с близкими экономическими интересами не тождественно группам интересов. Помимо дефицита организационных навыков сказывается мозаичность идентичностей, препятствующая совместным действиям. Характерный пример – частные застройщики подмосковных коттеджей. Практически все они используют труд мигрантов, преимущественно нелегальных. Держится эта система на регулярных поборах со стороны сельской милиции. Разобщенность застройщиков, высокая стоимость их времени, отношение к поборам как к временным не ориентируют их на совместные действия по изменению миграционного законодательства. Однако, давая работу нелегалам, а взятки – милиционерам, застройщики де-факто изменяют миграционную политику России.

Во-вторых, в ситуации слабого принуждения к исполнению закона дешевле откупиться от «плохого» закона, чем вложиться в создание «хорошего»⁶. Стало банальностью, что в России неадекватность законов компенсируется необязательностью их исполнения. Так, налоги велики, но эффективная ставка налогообложения – вполне посильная. Зазор порождает коррупцию налоговых органов, что можно расценивать как корректировку налоговой политики не путем принятия законов, а посредством реакции на их исполнение.

В-третьих, частая смена закона обесценивает усилия по его формированию. Частые законодательные новации, в свою очередь, свидетельствуют о неустойчивости выбранного экономического курса, о внутренней борьбе представителей власти, об отсутствии экспертизы принимаемых решений. Как правило, это характерно для переходных периодов. Когда в России правительства менялись чаще, чем игрушки у избалованного ребенка, трудно было ожидать от здравомыслящих предпринимателей открытого финансирования лоббистской практики, рациональнее было коррумпировать пространство деятельности.

В-четвертых, тактика «откупа» на стадии исполнения закона, безусловно, рациональна для групп, которые по каким-либо причинам стигматизированы в общественном сознании. Эти группы пытаются не привлекать внимания к своей деятельности, коррупционными схемами расширяя пространство возможностей. Открытое отстаивание своих интересов может вызвать разрушительные политические атаки более влиятельных групп. Например, этнические предприниматели в условиях недоброжелательного отношения «местного» населения и политизации темы миграции предпочитают уйти с публичной арены⁷.

В результате в России для многих групп-интересов уменьшение издержек достигается воздействием на закон на стадии его исполнения, что предполагает коррупцию исполнительной власти и органов государственного надзора. В этой логике антикоррупционная борьба должна «бить» не по следствиям, а по причинам, т.е. преодолеть неразвитость самосознания, усилить связь между законом и его исполнением, сократить миноритарные группы, исключенные из политического процесса. Согласитесь, в рамках антикоррупционной кампании этих задач не решить (и даже не поставить), что предопределяет ее безрезультативность.

Более того, даже если демократия достигнет логического предела и у всего движущегося появится возможность (и желание) публично отстаивать свои интересы, останется проблема их рейтинговой упорядоченности. Задвинутые в «конец списка» интересы предъявятся к

⁶ «Вполне вероятно, что на подкуп чиновников для исполнения благоприятных законов им [предпринимателям. – С.Б.] придется потратить столько же, сколько на то, чтобы избежать исполнения неблагоприятных» (Скотт, с. 34).

⁷ «Было бы глупо и даже самоубийственно для этих «отверженных» капиталистов стремиться к открытому влиянию с помощью организованных групп давления. Трезвый взгляд на свою собственность и цвет своей кожи побуждает их полагаться на взятки чиновникам, занимающим стратегические посты» (Скотт, с. 35).

реализации «с черного хода», т.е. поучаствуют в политическом процессе, коррумпируя исполнение закона.

Коррупция «на входе» в законодательное пространство

Коррупция «на входе» – это нелегальные способы влияния групп интересов на формирование законодательства и решений законодательной власти. Техники используются самые разные: от банальной покупки избирательных голосов до теневого финансирования политических партий, от откатов членам правительства до проплаченного участия населения в митингах⁸. В этом смысле демократия – это не отмена коррупции, но лишь возможность частичного переноса борьбы экономических субъектов за свои интересы на уровень законодательной власти (что не означает отсутствия коррупции в ходе этой борьбы).

Фактически речь идет о транзакциях, позволяющих группам интересов обменивать материальные блага на решения законодательной власти. При этом деление таких транзакций на коррупционные и добропорядочные зависит исключительно от юридических норм участия бизнеса в политике. Скажем, взятка членам политсовета в обмен на место в партийном списке на предстоящих выборах – это коррупция. А финансирование партии под обещанное место в партийном списке – это легальная практика. «Правильное» голосование депутатов, партия которых финансируется определенной финансовой группой, называется партийной дисциплиной. А оплата голосов в индивидуальном порядке – тянет на коррупционный скандал. Цель и даже размер транзакции, заметьте, может совпадать.

Дж. Скотт приводит пример Японии и Таиланда. Состоятельные бизнес-элиты Японии создали ассоциации, которые аккумулировали вклады фирм-участников в зависимости от их годового дохода и перечисляли на нужды Либеральной демократической партии. Партия, несомненно, реагировала на эту помощь в ходе законотворчества. В Таиланде же бизнес-элита состояла преимущественно из китайцев, которые на правах иностранцев не могли спонсировать политическую систему. Китайский бизнес реализовывал свой интерес, коррумпируя тайскую власть. Фактически Россия в диалоге власти и бизнеса выбирает путь между Японией и Таиландом.

И выбор этот имеет существенные ограничения. Во-первых, технологии избирательных кампаний эффективны только при наличии неучтенных (теневых) средств; во-вторых, неучтенные средства экономически более дешевы, так как не облагаются налогом; в-третьих, политический климат удерживает от публичной финансовой поддержки оппозиционных партий⁹. В результате, мы имеем, используя образ В. Гельмана, «айсберг» политического финансирования. Заметим, что теневое финансирование выборных кампаний и деятельности политических партий – явление отнюдь не только российское. Страны, являющиеся образцом соревновательной многопартийности, не избежали теневизации борьбы за законодательную власть¹⁰.

⁸ Объявление на заборе в г. Москве: «Участие в митингах и пикетах. Работа в вечернее время и выходные дни».

⁹ Подробнее см.: Барсукова С., Звягинцев В. Механизм «политического инвестирования», или как и зачем бизнес участвует в выборах и оплачивает партийную жизнь // Политические исследования 2006. № 2. С. 110–121 или Экономическая социология. 2006. Т. 7. № 2. С. 8–22.

¹⁰ В ходе «Уотергейтского скандала», повлекшего отставку президента Р. Никсона (1974 г.), были вскрыты массовые случаи незаконных финансовых пожертвований на политические цели со стороны крупных американских корпораций. А в декабре 1999 г. разразился скандал по поводу так называемых «черных фондов» правившей партии христианских

Тезисы о коррупции в России

Анализ коррупции как политического процесса позволяет высказать суждения более широкого плана о российской динамике. Что же высвечивает коррупция, взятая как аналитическая перспектива?

1. *Привычное деление бизнеса на малый, средний и крупный дифференцирует фирмы по доступной им форме политического участия.* В данном случае важен не размер бизнеса сам по себе, а такие его «производные», как экономические возможности, способности к консолидации, организационные навыки лидеров, обозримость и устойчивость основных игроков и, что немаловажно, временной горизонт планов развития. По всем этим показателям крупный бизнес резко отличается от малого. Немногочисленные примеры консолидации малого бизнеса при более внимательном рассмотрении обычно оказываются инициативой отнюдь не предпринимателей. Крупный же бизнес отметил последние годы бурным ассоциированием, втягивающим в свою воронку бизнес средний. Важно и то, что стабильному ядру крупного бизнеса противостоит бурная ротация мелких предпринимателей. В результате этих различий политическое участие малого бизнеса ограничено реакцией на предлагаемые условия, т.е. обильной и разнообразной коррупцией на стадии исполнения закона. Крупный бизнес пытается эти условия формировать, т.е. придавать решениям законодательной власти желаемую форму¹¹. В ход идут как легальные, так и теневые схемы работы. Если коррупция в среде малого бизнеса обслуживает идею выживания, то коррупция, практикуемая бизнесом крупным, повышает его прибыльность доступом к ресурсу власти.

2. *Тип политической системы не упраздняет коррупцию, но определяет пропорции интересов, защищаемых участием в политике «на входе» и «на выходе» законодательного процесса.* Соревновательная многопартийность создает инфраструктуру выражения интересов экономических агентов в ходе законотворчества. «...Партийная система легитимирует отдельные модели влияния, которые могут проявляться лишь в форме коррупции при (нетрадиционной) бюрократии» (Скотт, с. 43). Речь идет о группах, достаточно консолидированных и финансово состоятельных, чтобы финансировать политическое продвижение своих интересов методами партийных батальонов. Не для всех эти возможности доступны, что означает сохранение групп, для которых единственной возможностью отстоять свои интересы останется коррупция исполнительной власти и практик правоприменения. В этом смысле многопартийность не является панацеей против коррупции. Соревновательная многопартийность – это смещение центра переговоров власти и групп интересов на уровень формирования формальных институтов (в том числе с использованием коррупционных схем), тогда как любое директивное сокращение партийного представительства – это перевод переговоров власти и подданных в режим коррупционной деформализации законов на стадии их исполнения.

3. *Многопартийная демократия порождает электоральную коррупцию с той же очевидностью, что диктатура коррупцию бюрократическую*¹². Еще совсем недавно

демократов, что задело имя прежнего канцлера Германии Гельмута Коля [Бондаренко С. Коррупцированные общества. Ростов-на-Дону: Ростиздат, 2002. С. 167–168].

¹¹ «...У крупного бизнеса есть больше возможностей, ресурсов как для отслеживания изменений в формальных правилах, так и для лоббирования своих интересов при разработке и принятии этих правил. Что касается мелких предпринимателей, то им целесообразнее и проще уклониться, обойти неудобные законы» (Олимпиева, Паченков, с. 227).

¹² «...Электоральная коррупция связана с демократией точно так же, как черный рынок связан с бюрократическими формами контроля экономического обмена» (Сардан, с. 97).

коррупционные схемы электоральных побед были рутиной для любого действующего политтехнолога. Борьба групп влияния за представительство в парламентах не обходилась без подкупа членов избиркомов, осуществляющих «взброс» неиспользованных бюллетеней, без участия силовых структур в борьбе с политическими конкурентами, без взяток руководителям телеканалов и радиоэфиров и т.д. Заметим, что электоральная коррупция тем более распространена, чем более действия должностных лиц становятся объектом рыночного торга. Альтернативой торга является принуждение, физическое или административное. Первое оказывается криминалитетом, второе – действующей властью. Специфика переживаемого момента состоит в том, что использование должностных полномочий как ресурса электоральных побед все более становится производной административного, а не финансового влияния на ситуацию. И силовик, и председатель избиркома по-прежнему могут влиять (и влияют) на исходы выборов, но склонить их к соответствующим действиям с помощью взятки становится все сложнее. Место торга заменяет приказ (что не означает отсутствия подношений за его исполнение). В этом смысле сохранение декоративной многопартийности с predetermined результатом голосования означает сокращение электоральной коррупции и перенос борьбы на уровень административных согласований.

4. *Новые схемы влияния на законодательную власть характеризуются тем, что доступ к ним резко ограничен.* Пользуясь терминологией Дж. Скотта, в электоральном поле мы имеем переход от «рыночной» к «местнической» коррупции. Если «рыночная» коррупция означает влияние тех, кто может заплатить больше (не ограничиваясь, разумеется, денежными сделками), что дает преимущества финансовой элите, то «местническая» коррупция «предоставляет собой договоренность, основанную на критериях происхождения и индивидуальных характеристик» (Скотт, с. 39), т.е. доступна узкому кругу лиц. Политический проект федерального центра определяет спектр политических сил (и стоящих за ними групп влияния), допущенных к электоральной коррупции. Кстати, именно по этой причине ширятся ряды борцов с этим явлением. Рост осуждения электоральной коррупции вызван, помимо идейного мотива, сокращением числа допущенных к ней.

Остальной части финансовой элиты, не прошедшей фильтр административных согласований, остается сконцентрироваться на правоприменении. Сокращение электоральной коррупции «уравновешивается» активизацией коррупции на уровне министерств и ведомств (проплаченное назначение на должность, откаты в обмен на размещение госконтрактов, победа в тендерах «своих» фирм и пр.). Проектирование политического ландшафта неизбежно сопровождается коррумпированием правоприменения.

5. *Интенсивность эксплуатации коррупционного дискурса слабо связана с масштабом явления.* Возникла целая индустрия измерения коррупции. Последний доклад Общественной палаты РФ, выделяя четыре типа коррупции (бытовую, политическую, судебно-правоохранительную и коррупцию в органах власти), в качестве наиболее масштабной и опасной для общества называет именно последнюю. Так считают эксперты и простые люди. Им виднее. Выскажу лишь пару скептических замечаний. Самое удачное определение коррупции, когда-либо встреченное мною: «Коррупция – это то, чем занимаюсь не я»¹³. Удаленность респондентов от верхних этажей управления многое объясняет. Учтем и то, что коррупция – уникальная объяснительная схема, доказываемая противоположными фактами¹⁴. Коррупционные скандалы и их полное отсутствие – равно укрепляют уверенность

¹³ Это меткое замечание принадлежит О. де Сардану (Сардан, с. 97).

¹⁴ Схожая ситуация в Латвии, где опросы однозначно указывают на больший размах коррупции в высших политических кругах, чем на административном уровне. При этом за последнее десятилетие в суд не попало ни одного дела о коррупции на высшем уровне, но рассматривалось множество дел о взяточничестве на среднем и мелком уровне (Седлениекс, с. 208).

в масштабности явления. Отсутствие коррупционных разоблачений, как это ни странно, только подтверждает мнение о коррумпированности «верхов» («рука руку моет...»). В этой ситуации высокие экспертные оценки коррупции фиксируют не столько само явление, сколько веру в его реальность, уровень озабоченности людей этим явлением. Эти опросы показывают, насколько интенсивно эксплуатируется дискурс коррупции для объяснения происходящего в стране. Причин тому много. На коррупцию удобно «списывать» неэффективность экономической политики, а коррупционные разоблачения стали самым безотказным орудием борьбы с политическими противниками. Но главное в другом. На мой взгляд, образ «коррупции в верхах» как воплощение модели «захвата государства» бизнесом выполняет роль дымовой завесы, скрывающей кардинальную смену курса на «захват бизнеса» государством. В новых условиях подношения бизнеса не верно трактовать в терминах коррупции, поскольку они системно встроены в единую властно-экономическую вертикаль нового российского порядка. Крупный бизнес покупает не право использовать власть в своих интересах (суть коррупции), а место в системе «власть-собственность», и делает это с видимой добровольностью, потому как еще больше боится оказаться среди тех, кому не хватит места в этой системе.